

XX ВЕК: ПРОЖИТОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ

История жизни
историка,
профессора
Петра Крупникова,
рассказанная
им самим

Гунта Страутмане
XX век: прожитое и пережитое.
История жизни историка,
профессора Петра Крупникова,
рассказанная им самим

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36060407

*XX век: прожитое и пережитое. История жизни историка,
профессора Петра Крупникова, рассказанная им самим: Алетейя;*

Санкт-Петербург;

ISBN 978-5-906910-90-5

Аннотация

История как рассказ о прошлом всегда находится в точке скрещения искусства и политики. С тех пор как история стала наукой, она опасно приблизилась к политике. Это заставляет задаваться вопросом: кому или чему служит история, кому или чему – историк? Петр Крупников, как и другой знаменитый историк Никколо Макиавелли, родился во Флоренции и, вероятно, унаследовал от него основную тему своих научных интересов – «власть и общество», «личность в истории». По своей культуре мышления Петр Крупников ближе к французской школе «Анналов», которая, чтобы понять ход истории, обращается

к исследованию ментальностей, к человеческим характерам, социальному статусу и мировоззрению. Для него история – не только знание о прошлом, но сумма интеллектуальных опытов, не учитывая которые мы сужаем понимание и сегодняшней нашей жизни, свою способность разумно действовать в современных ситуациях. Масштаб личности и значимость научных изысканий Петра Крупникова только сейчас могут быть оценены по достоинству русским читателем. В научных кругах Латвии и Германии, в университетской среде, Крупников был популярен не менее, чем Лев Гумилев в России, благодаря своему выдающемуся дару лектора. Он умел оживить прошлое в настоящем, его лекции воспринимались как законченные произведения искусства. Свои мемуары на исходе жизни он диктовал по просьбе сына своей бывшей студентке Дагмаре Бейтнере. Их текст был обработан Гунтой Страутмане, переведен с латышского Роальдом Добровенским и теперь представлен вниманию русского читателя.

Содержание

Уважаемые читатели!	8
XX век: Прожитое и пережитое	12
Между двумя войнами. Рига	12
Конец ознакомительного фрагмента.	69

**Гунта Страутмане
(на основе интервью,
проведенных
Дагмарой Бейтнере)
XX век: прожитое и
пережитое. История жизни
историка, профессора
Петра Крупникова,
рассказанная им самим**

Петр Крупников

19.03.1920 Флоренция – 20.02. 2009 Рига

Профессор истории, выдающийся лектор, приглашенный профессор многих университетов мира, автор ряда книг и множества научных статей изучал историю взаимоотношений Латвии и Германии, особое внимание уделяя при этом теме балтийских немцев.

После первых лет жизни, проведенных в Париже и Берлине, он обосновался вместе с семьей в Риге, где и прожил

большую часть жизни. Несмотря на воспитание, полученное в интеллектуальной атмосфере состоятельной буржуазной семьи, вслед за старшим братом он включился в коммунистическое подполье. В годы Второй мировой войны служил в Советской Армии. В 1946 году в качестве переводчика участвовал в процессе над военными преступниками в Риге – малом Нюрнберге, как тогда говорили. В 1953 году окончил исторический факультет Латвийского государственного университета. В послевоенные годы руководил Центральным лекторским бюро. Был доцентом, заведовал кафедрой в Латвийской сельскохозяйственной академии. С 1964 года вплоть до восстановления независимости Латвии преподавал в Латвийском университете, большей частью новую и новейшую историю (факультет философии и истории). В советские годы, работая в крайне идеологизированной сфере общественных наук, П. Крупников умел интеллектуально дистанцироваться от официальной идеологии, сохранить свободный, аналитический и критический взгляд на историю и общественные процессы; тому же учил он и своих студентов. Обширными познаниями и выдающимся мастерством лектора профессор приобрел авторитет не только в Латвии, но и в международной научной среде. С 1992 года П. Крупников жил главным образом в Германии, лето проводил в Латвии. В качестве приглашенного профессора читал лекции в Стокгольмском, Уппсальском, Стенфордском, Нью-Йоркском университетах, в высших учебных заведениях

ях Беркли, Болоньи, Флоренции, Салоник, Тель-Авива, Базеля и в шестнадцати университетах Германии.

Уважаемые читатели!

Перед вами – история жизни моего отца, Петра Крупникова.

Родителей не выбирают, поэтому я считаю себя человеком, которому в жизни в этом смысле очень повезло. К сожалению, моя мать Евгения Крупникова умерла рано – в 1986 году после неудачной операции на сердце; ей было всего лишь 62 года. Зато отец прожил долгую, интересную, содержательную и деятельную жизнь. Он собирался встретить свой 90-й день рождения, однако этому не суждено было сбыться.

Годами я уговаривал, чуть ли не заставлял отца описать свою жизнь, но с этим у него как-то не клеилось – по натуре он был лектор, оратор. Чтобы выполнить такую задачу, отец нуждался в слушателе, а точнее – в собеседнике. В августе 2008 года он, наконец, связался со своей бывшей студенткой Дагмарой Бейтнере, и она взялась провести цикл интервью, содержанием которых должен был стать не только рассказ о его жизни, но и размышления о политике и истории.

Последнее из этих интервью записано в больнице 31 января 2009 года. Двадцать дней спустя отца не стало.

Когда записи этих бесед были расшифрованы, стало ясно, что, будучи ценным источником для исследователей, этот объемный материал с экскурсами в различные области ис-

тории и политики, с мгновенными переходами от одной темы к другой был бы труден для восприятия широким кругом читателей; необходимо было перевести его в другой формат. Валентина Фреймане посоветовала обратиться к Гунте Страутмане, которая в свое время помогла ей в работе над известной автобиографической книгой «Прощай, Атлантида!».

Вначале Гунта Страутмане отказалась, сославшись на свой почтенный возраст, но потом, «как цирковая лошадь, слышавшая знакомую музыку» (ее собственные слова), захотела прочесть материал и все-таки взялась за работу, результатом которой стала эта книга. Она вжилась в текст, увлеклась; у нее возникло немало вопросов. Ответы пришлось искать мне. Я отправился в архивы и нашел редкие документы – первое удостоверение личности гражданина Латвии, выданное в свое время отцу, свидетельства о смерти его родителей и другие.

Гунта Страутмане сумела, обработав и соединив разнородный материал воспоминаний, размышлений и бесед, выстроить последовательное повествование о жизни отца, сохранив его живую интонацию, речевую манеру, высказывания. В работе ей помогала Иоланта Трейле, редактируя и дополняя текст теми интервью, которые в то же самое время – летом и осенью 2008 года – профессор Крупников дал авторам книги о факультете истории и философии Латвийского университета в советские годы. Один из них, доктор истори-

ческих наук Каспарс Зеллис составил комментарии к этой книге.

Я всеми силами продвигал становление книги от замысла до печатного воплощения с одной мыслью – запечатлеть рассказ о жизни отца, драгоценный не только для нашей семьи, для друзей и сподвижников отца и его бывших студентов, но, я убежден, нужный каждому читателю, который пожелает понять, что с нами всеми произошло и через что приходилось пройти человеку, прожившему жизнь в Латвии и Европе в XX столетии.

Хочу также поблагодарить всех, кто принял участие в издании книги отца на русском языке. К коллективу издательства Zinātne присоединился переводчик Роальд Добровенский и редактор Жанна Эзите, которая – мир воистину тесен – когда-то работала с моей мамой.

Роальд, приступая к переводу в июне 2015 года, планировал закончить его в ноябре. Но узнав о том, что ближайшая подруга моей мамы Серафима Константиновна Кугель опасается, что не успеет в свои 92 года увидеть русский вариант книги, Роальд совершил невозможное – закончил перевод в августе. За это ему огромное спасибо.

Хочу также отдельно поблагодарить семью Антон и в первую очередь Гертье Антон за всю ту заботу и любовь, которыми был окружен мой отец, живший в их доме с 1992 года. Без поддержки этой замечательной семьи отец не смог бы столь полноценно прожить эти годы.

Презентация книги состоялась 19 марта 2015 года – в день 95-летия профессора Крупникова, в здании бывшей 10-й немецкой начальной школы, теперь Рижской Шведской школы экономики. Как-то встретив ректора этого престижного учебного заведения, я поделился замыслом издать книгу об отце. Ректор помнил описанную папой встречу с ним в 2006 году и, когда латышский вариант книги был готов, любезно согласился предоставить помещение для презентации. В русское издание мы добавили фотографию с этой презентации – правнучки Петра Крупникова с его книгой. Они с интересом расспрашивали меня о каждом человеке, изображенном на фотографиях. И для меня возможность пробудить в них причастность к семейным корням стала наивысшей наградой.

Создание такой книги – коллективный труд, и от имени семьи Крупниковых я хочу высказать сердечную благодарность всем его участникам; надеюсь, общими усилиями мы сохранили для будущего свидетельство о яркой и с честью прожитой жизни.

Если бы отец был жив, он наверняка захотел бы посвятить эту книгу памяти своих родителей и братьев. Поэтому и я посвящаю наш общий труд памяти не только отца, но и самых близких ему людей.

Дмитрий Крупников

XX век: Прожитое и пережитое

Между двумя войнами. Рига

Мои родители – *волгари*, как называют себя уроженцы и жители Поволжья, но так как они рано умерли, а вся моя родня оставалась в России, я знаю о них сравнительно мало. Только то, что они никогда не жили в черте оседлости¹ – таком большом гетто, устроенном в западных губерниях царской России, где в скученности и чаще всего в нищете проживали в захудалых местечках миллионы евреев.

Мой дед со стороны отца был столяр; со временем он стал хозяином большой мастерской, а затем и фабрики венской гнутой мебели в Самаре. Это было средних размеров предприятие, внесенное в общероссийский промышленный реестр. Что делал мой дед по материнской линии, я толком не знаю. Слышал, что осенью, когда в Поволжье собирали урожай, он объезжал поместья, что-то покупал. Не зря о евреях говорят, что они досконально знают, кто были Авраам, Исаак, Иаков и Моисей, но не могут сказать, кем был их прадед. И мои сведения простираются хорошо если до поколе-

---

¹ Черта оседлости – особые области Российской империи, в которых дозволялось селиться евреям. Существовала с 1791 по 1917 год.

ния дедов.

Когда в 2004 году я был в туристическом круизе по Волге и корабль сделал остановку в Самаре, где перед революцией моему отцу принадлежали два завода, я, воспользовавшись возможностью, зашел в городской архив. Оказалось, еще в первые советские годы здесь выкинули все дела налогового департамента, поскольку они никого не интересовали. «Это были всякие буржуйские дела», – объяснила мне сотрудница архива. Но зато нашлась телефонная книга 1909 года, где обнаружили адрес и телефон конторы моего отца, и она указала мне здание, где та располагалась. Еще выяснилось, что в годы НЭПа² завод возродился уже как артель³ «Красная Волга». Это было и все. Добавлю, что знаю латышей, проследивших по церковным книгам прошлое своего рода вплоть до XVI столетия.

Обе семьи – и отца, и матери – были очень большими. Хотя многие дети умерли в младенчестве, выживших оказалось тоже немало. Моего отца приняла в дом тетя, у которой своих детей не было, и он вырос в Астрахани. Вместе с

---

² НЭП – Новая экономическая политика, сменившая в Советской России политику «военного коммунизма», была принята весной 1921 года. Она допускала рыночные отношения, привлечение иностранного капитала, существование малых и средних частных предприятий. Но уже с середины 1920-х гг. начались попытки ее свертывания. НЭП был отменен с переходом к плановому хозяйству, началом коллективизации, индустриализации СССР. 11 октября 1931 года было принято постановление о полном запрете частной торговли в СССР.

³ Артель – в России и СССР добровольное объединение людей для совместной работы.

другими мальчишками продираясь в поисках приключений к дельте Волги, он не догадывался, что этот опыт пригодится ему много позже, в его взрослые годы. В свою очередь моя мать Мария Капшицер всю жизнь таила обиду на своего отца, не пустившего ее учиться в Петербург. Мать блестяще закончила Симбирскую женскую гимназию и очень хотела изучать медицину. В университеты женщин тогда еще не принимали, поэтому мама надеялась поступить на высшие женские курсы, дававшие если и не высшее, то хотя бы какое-то медицинское образование – специальность, которая позволила бы ей быть независимой от мужа. Однако дед считал, что юная девушка, живя одна в Петербурге, непременно собьется с пути.

Когда собралась поехать учиться в Петербург следующая дочь Лидия, бывшая пятью годами младше моей матери, дед стал сговорчивее и ей уже не препятствовал. Лида уехала в Петербург учиться на зубного врача. Когда она устраивалась на новом месте, выяснилось, что евреям для проживания в российской столице необходимо иметь документ о какой-либо профессиональной принадлежности. Ей предлагали купить желтый билет – удостоверение проститутки⁴, то был самый простой способ остаться в Петербурге, но Лидия наотрез отказалась, и ее выслали обратно в Оршу – город, записанный в паспорте как место ее рождения, но в котором она

---

⁴ Ограничения черты оседлости не относились к купцам первой гильдии, людям с высшим образованием, а также зарегистрированным проституткам.

никогда не жила. В конце концов Лиде все же повезло. По пути в Оршу она познакомилась с пожилым евреем, доставшим ей нужную бумагу, – по этой справке Лидия была швей. Девушка вернулась в Петербург, поступила на курсы и овладела избранной профессией.

И остальные мои тетки, младшие сестры матери, чему-нибудь да учились. Одну из них мне удалось встретить, но многого я от нее не узнал – она к моменту свадьбы моих родителей была еще совсем маленькой.

Я только знаю, что когда все переженились и в семьях по отцовской и материнской линии появились внуки, в дни рождения дедушек и бабушек все собирались у них дома, и двоюродные братья и сестры знакомились друг с другом. То был целый клан, особенно как раз по материнской линии (семью со стороны отца я знал меньше). Один мой дядя, брат матери Борис Капшицер разыскал меня в 1947 году, когда приезжал в Ригу из Ленинграда со своей дочкой и внучкой. Внучка еще жива, мы встречаемся, когда она приезжает в Ригу из Петербурга. По характеру она очень похожа на мою маму, и уже за это я ее очень люблю.

Двое или трое братьев моей матери еще в ранние годы были отправлены учиться и работать в Америку. В то время это было довольно обычным делом. Сыну, которому только что исполнилось пятнадцать, давали пару золотых рублей и рекомендательное письмо, покупали билет четвертого класса на пароход и – в путь, пускай зарабатывает на жизнь сам! В

Америке мои дядья трудились на стройках, перепробовали много других дел; предприимчивости им было не занимать, и через семь-восемь лет, сколотив некоторый капитал, они вернулись в Россию – в канун Первой мировой войны и революции.

В 1947 году, впервые оказавшись в Ленинграде, я решил зайти к одному из них, дяде Мише. Моя мать единственная умерла рано, остальные в семье жили подолгу. Когда я появился у него, дяди Миши в квартире не было – он пошел в погреб за углем. Через несколько минут он поднялся домой – на четвертый этаж – с мешком угля на спине, изучающе осмотрел меня и спросил: «Ты Манин сын?» – «Да». Тогда он открыл ящик комода, достал бутылку водки, водрузил ее на стол и полчаса спустя уже пел во все горло песню американских строителей.

Дядя Боря в Самаре окончил реальное училище; он рассказывал, что в царское время там давали и хорошие теоретические знания. В конце жизни он покупал старые машины и дома изготавливал из них запчасти для велосипедов – в магазинах их вечно не хватало. Так он подрабатывал совсем недурно.

Мой отец в последние годы жизни, причем он умер не в такие уж преклонные годы, совершенно сломался. Его двоюродный брат считал, что его подкосил отъезд из России в 1918 году, – если бы по милости большевистской революции вся жизнь моего отца не была загублена, с ним бы ничего

подобного не случилось. Теперь мне кажется, причиной того, что отец так внезапно сдал, была болезнь Альцгеймера, которую в то время еще не умели диагностировать.

Мне врезался в память один разговор с матерью в Риге, я был тогда уже подростком. В квартире на улице Сколас, 4 у нас была просторная кухня с большим столом. Это был как бы центр дома. В тот раз мы сидели за столом втроем, отец тоже. Вот он поднялся, очень медленно, по-стариковски сгорбившись, вышел из кухни. Мы с мамой оба посмотрели вслед, и мама печально сказала: «И таким он останется в твоей памяти...» – «А в твоей? Каким он останется в твоей памяти?» – спросил я. И она принялась рассказывать.

После свадьбы отец, работавший на заводе у своего родителя, сказал ему: «Я не хочу быть просто наемным рабочим. Хочу быть твоим компаньоном». «О'кей! – ответил ему отец. (Ну, «о'кей» он вряд ли сказал, наверное, что-нибудь вроде «Ладно!».) – А где же твой вклад?» У моего отца ничего не было. И зарабатывал он на фабрике моего деда столько, что отложить ничего не получалось. Тогда отец начал занимать у знакомых деньги. Налево, направо, где только мог. И с одолженными деньгами поехал на *торги*, где оптом сдавали протоки в дельте Волги на время нереста рыбы. То была своего рода лотерея. Рыба во время нереста шла не по всем ответвлениям и протокам, заранее нельзя было знать, где будет густо, а где пусто. Насколько я помню, отец заплатил за три протоки, и ему повезло – рыба шла по всем трем.

Мать ездила с ним вместе и теперь мне рассказывала о тех днях. Действовать надо было молниеносно, чтобы полностью использовать те несколько дней, когда рыба мечет икру. Отец не слезал со своего вороного коня. Он попевал и тут и там, давал указания рабочим, подвозил сети, следил за тем, как разделяют рыбу, и все такое прочее. Мама рассказывала, и глаза ее блестели. «Если бы ты видел, какой он был – верхом на коне, все умеющий и знающий! Ты бы тоже порадовался от души!»

Вернувшись в Самару, отец выложил перед дедом на стол пачку денег и сделался его компаньоном. Дед вскоре заболел и умер, хотя ему было всего-то лет пятьдесят. В то время люди не жили так долго, как, например, я сейчас. Фирма перешла к отцу и называлась «Фабрика венской гнутой буковой мебели Якова Петровича Крупникова».

Позже (это было еще до Первой мировой войны) мои родители переехали в Петербург. Со временем отец сделался главным представителем нескольких крупных уральских заводов и приисков. Он покупал за границей машины и оборудование, занимался организацией продаж, выступал посредником. Со временем он приобрел акции предприятий, с которыми имел дело. В конце концов отец сделался весьма состоятельным человеком. Семья занимала квартиру в девять комнат, в одной из которых помещалась мамина библиотека. Как я слышал от старых ленинградцев, библиотека была колоссальная. Между прочим, еще в 1917 году, незадолго до

Октябрьской революции отец купил дом на Кутузовской набережной, 16⁵. Здание не назовешь эксклюзивным, зато местоположение – без спору исключительное. Если бы я как прямой наследник мог получить этот дом, я бы теперь был богачом.

* * *

Мои старшие братья Григорий и Илья родились первый в 1906-м, второй в 1908 году. Оба учились в знаменитой Петербургской школе *Petrischule*⁶. Семья принадлежала к зажиточному слою горожан.

Когда в 1918 году начался красный террор⁷, отец понял, что в Петербурге больше оставаться нельзя, и со всей семьей и пожитками двинулся в путь. Сначала в оккупированный немцами Киев. Дорога была сопряжена с трудностями, опасностями, надо было как-то перебраться через границу «крас-

---

⁵ В то время, до 1918 года, – Французская набережная, поскольку именно на ней находилось посольство Французской республики. Кутузовской набережная стала называться лишь с 1945 года.

⁶ Петришуле (по-немецки официально Sankt Petri-Schule) – Школа Святого Петра – основана в Санкт-Петербурге в 1709 году и предназначалась первоначально для детей переселенцев из Германии и балтийских немцев. Довольно быстро сделалась элитарным учебным заведением. В ней, в частности, учился русский композитор Модест Мусоргский.

⁷ В то время, до 1918 года, – Французская набережная, поскольку именно на ней находилось посольство Французской республики. Кутузовской набережная стала называться лишь с 1945 года.

ных». Помогли местные крестьяне, уже поднаторевшие в таких делах. Отец бежал вместе с одним своим русским другом, железнодорожным генералом. Когда они оказались на другой стороне, пригодился немецкий язык моих братьев. Родители по-немецки не говорили.

Сестра матери, тетя Лида перебралась в Киев со всеми вместе; там ее ждала судьбоносная встреча – она познакомилась со своим будущим мужем, братом моего отца Осипом Крупниковым, который до войны учился в Льеже. Так как Льеж был занят немцами в самом начале войны, в 1914 году, он следующие четыре года провел в Германии в качестве гражданского пленного⁸ и в конце войны оказался в оккупированном немцами Киеве. Так два родных брата стали мужьями двух родных сестер.

Пересекли границу, и на первой же станции немцы предоставили в распоряжение железнодорожного генерала салон-вагон, который ему полагался по должности. Наконец-то появилась возможность принять душ, избавиться от вшей, блох и бог весть каких еще паразитов; мама рассказывала, что вымылась трижды и, кажется, готова была содрать с себя кожу, лишь бы освободиться от непрошенных гостей.

В салон-вагоне они доехали до Киева, где немцы тут же предложили генералу какой-то пост на железной дороге, а

---

⁸ Гражданские пленные – подданные враждебных государств, которые в годы Первой мировой войны были интернированы и размещены в специальных лагерях.

генерал помог устроиться и отцу. Так оно и шло вплоть до 9 ноября 1918 года, когда немцы проиграли войну⁹ и начали отступать. Родители тоже подались дальше – в Одессу, оккупированную на тот момент французами, сербами и греками¹⁰.

В Одессе я и был запланирован. Родители решили, что когда Григорий и Илья покинут родное гнездо, нужен будет кто-то, кто останется с ними. Случилось так, что тогда же и там же, в Одессе, был «сочинен» и мой кузен, которого так же, как меня, возможно, в честь деда, назвали Петром.

Когда красные подошли и к Одессе, мои родители прямым путем отправились в Константинополь, теперешний Стамбул. В свою очередь Лида с Осипом вернулись в Петроград, и таким образом пути и судьбы двух родственных пар разошлись.

В Константинополе к тому времени собралось уже около 200000 российских беженцев. Возникла небывалая ситуация. Турки и русские, веками люто враждовавшие, воевавшие друг с другом, одинаково оказались в числе проигравших войну и стали пролетариями Европы. По городу господами разъезжали англичане, американцы и французы, у которых здесь были миссии. Родители видели, что остаться и

---

⁹ 9 ноября 1918 в Германии произошла революция, была свергнута монархия и провозглашена республика. 11 ноября в Компьенском лесу Германия подписала перемирие, таким образом фактически прекратив военные действия.

¹⁰ Экспедиционные корпуса стран Антанты (Франции, Греции, Сербии) появились в Одессе в конце ноября 1918 года и находились там до апреля 1919 года.

устроиться в Турции нет никакой возможности, и потому двинулись дальше – в Грецию, в Салоники.

Когда через много-много лет я оказался в Салониках в качестве приглашенного лектора, первую же лекцию в университете я начал так: «Я в вашем городе уже вторично, но в первый раз осмотреть его не имел возможности, ибо пребывал еще в материнском чреве».

Наша семья продолжила путь, добралась до Афин, но и там уже было полным-полно русских и никаких шансов что-то начать. Тогда отец решил в одиночку отправиться на разведку в Италию. На то было две причины. Во-первых, он в свое время пожертвовал крупную сумму пострадавшим от землетрясения в Мессине¹¹, во-вторых, в Риме жила русская графиня Мария Абамелек-Лазарева, вдова грузинского и российского графа армянского происхождения Семена Абамелек-Лазарева. И эта благородная дама была должницей моего отца. Насколько мне известно, отец своих денег не получил и отправился дальше, во Францию, где, наконец, нашлась возможность осесть на долгое время и вызвать к себе семью.

Тем временем моя мать пробивалась к мужу через Неаполь и Рим, так как в Италии шли забастовки. Мама потом смеялась: «Если бы они бастовали еще дольше, ты родился бы в Неаполе или в Риме, если бы прекратили бастовать

---

¹¹ 28 декабря 1908 года землетрясение в Мессине уничтожило более чем 200 населенных пунктов; природная катастрофа потребовала почти 200 000 жертв.

раньше, то в Париже». Но вышло так, что родился я 19 марта 1920 года во Флоренции. Мы пробыли там всего несколько недель. Своими глазами я увидел этот город только в день своего 70-летия и после этого приезжал сюда еще несколько раз.

В Париже семья, наконец, была в сборе, и кочевой образ жизни можно было сменить на оседлый. Мои старшие братья поступили в гимназию. Их образование после Петербурга с перерывами продолжалось в Киеве и Одессе, но везде очень недолго. В результате братья совершенно свободно говорили на немецком, французском и английском языках. Я тоже с детства слышал вокруг многоязычную речь.

Естественно, я не помню Париж. Сохранилась фотография – мама со мной на руках в парке Трокадеро. Забегая вперед, отмечу, что я второй раз оказался в Париже в 1985 году в составе советской делегации на франко-советской конференции по историографии Второй мировой войны. После конференции нам показывали Париж. Проезжая мимо одного из парков, гид сказал: «Может быть, вы слышали или читали о нем в разных романах: вот это – парк Трокадеро». Я попросил на минуту остановить автобус, перешел улицу, войдя в парк, сделал несколько шагов. Испытанное при этом чувство возвращения было так волнующе. Я поблагодарил гида за то, что он выполнил мою маленькую просьбу. Гид любопытствовал, что мне там было нужно, и, узнав причину, радостно воскликнул: «О, слава Богу, что я смог вам

помочь!».

Первые мои воспоминания связаны с Берлином. Я помню большую квартиру, в которой мы снимали несколько комнат у *frau Zenner* в той части Берлина, которая называется Фриденау. Путь из наших комнат в кухню шел через длинный коридор. Одна дверь часто была приоткрыта и вела в темную комнату. Мне она казалась мрачной, я ее боялся. «Наши комнаты» были большие и светлые. В одной был телефон. Ручку надо было крутить (и что-то говорить в трубку). Мне объяснили, что «телефонной барышне» надо назвать нужный номер. В той комнате, где стоял телефон, работал папа, ему помогали мои братья Гриша и Ильяша. Я помню, главным образом, что они по поручению папы говорили по телефону по-немецки. Кроме того, они снимали копии бумаг «мокрым способом». Хорошо помню еще, что в отцовской конторе лежали газеты. Потом я узнал, что это была газета «Руль»¹² и что она «продолжала лучшие традиции российской столичной прессы добольшевистского времени».

Моей подружкой в то время была Таня Дридзо. Ее отец и моя мама, как я выяснил позднее, были очень дальними родственниками, как говорится, седьмая вода на киселе. Еще позже мама сказала мне, что к Таниному отцу иногда приезжал из Москвы его брат. Этот брат был в Москве, по словам мамы, «очень большой шишкой». Однако фамилии у

---

¹² «Руль» – ежедневная газета русской эмиграции, выходившая в Берлине в 1920–1931 гг.

них были разные – московского Дридзо звали Лозовский. Это тот самый председатель «красного Профинтерна», впоследствии заместитель наркома иностранных дел, заместитель председателя Совинформбюро во время войны. В 1941 году «руководство» признало необходимым в целях внешнеполитической пропаганды создать Славянский комитет и ряд других, в том числе Еврейский антифашистский комитет. С. Лозовский по совместительству был его председателем. В 1948 году ЕАК был распущен, вернее, и тогда так говорили, разгромлен. Его руководство и часть актива арестовали. Следствие длилось четыре года. Процесс состоялся в августе 1952 года и закончился расстрелом всех подсудимых, кроме академика Лины Штерн. О дальнейшей судьбе берлинских Дридзо я ничего не знаю.

Берлин в моей памяти неразрывно связан с бонной, *tante* Минной. Со мной, мамой и братьями она говорила только по-французски. Мама позже рассказывала, что я произвел большое впечатление на ее *бабник*, о котором я еще расскажу. Я говорил отлично по-французски и имел «великосветские манеры». От французского у меня в смысле знаний ничего не осталось. Но – вкупе с тем, что я «набирал по крохам» при чтении «Войны и мира» (читая не только русский перевод французских слов и фраз, но и оригинал) и в других сходных случаях, я могу элементарно «что-то понять» во французском историческом или политическом тексте. На счет манер: думаю, многое тут зависело от семьи, а также и

школы.

Тетя Минна водила меня в Zoo – знаменитый берлинский зоопарк (это я помню) на какие-то карусели. Есть фото – папа, братья, она и я. Снято перед Рейхстагом. Тетя Минна иногда порола меня. Я не помню боль, но помню то, чем она меня порола. «То» висело над моей кроватью. Братья спустя годы говорили, что один раз они ворвались в детскую и потребовали, чтобы Минна прекратила свое «активное педагогическое воздействие». Так или иначе, я поминаю ее добром.

Я вспомнил Минну однажды после войны. На партсобрании в Комитете культурно-просветительных учреждений при Совмине Латвийской ССР (где я работал директором лекционного бюро) громили Йолу Вейнберга (заочно, поскольку он не был членом партии). Айна Августовна Деглава истошным голосом вопила о «вине» Вейнберга. Мне запомнился ее козырный довод – «У него была бонна!». У него, понимаете ли, была бонна! Я сидел и думал про себя: того, что и у меня была бонна, ты, к счастью, не знаешь и никогда не узнаешь! Остается заметить, что Йола в дальнейшем стал известным историком, профессором, автором многих публикаций.

Хорошо запомнились приезды в Берлин дяди Давида, брата отца. Он жил в Москве, был медиком, преподавал на медфаке Московского университета. Он всегда передавал мне приветы от своего сына Люсика, который был старше меня. Дядя Давид запомнился лежащим на диване. Он вскоре умер

в Москве от цирроза печени. Мама и братья иногда вспоминали Давида, его жену Веру Михайловну (происходившую из богатой и культурной русской московской семьи) и Люсика.

После войны, когда благодаря случайности были установлены связи с некоторыми Крупниковыми, я узнал о судьбе Люсика. Лев Крупников пошел по стопам отца, стал врачом. Он никогда не ощущал себя евреем. Во время войны он стал командиром медсанбата. В Польше, увидев евреев, освобожденных из концлагерей, несчастных, бывших у советских учреждений на подозрении («Каким образом вам удалось выжить?» – грозно вопрошали люди в погонах), Лев Крупников «осознал свою причастность к этим жертвам дичайшего антисемитизма» (слова Веры Михайловны). Лев Крупников погиб в январе 1945 года в Польше.

Мне дали телефон Веры Михайловны, я позвонил ей и услышал: «Вы – сын Яши и Мани? Как я рада! Приходите сейчас же к нам! Сегодня день рождения Люсика...»

Когда я пришел, у нее уже было много народу. То были друзья, товарищи ее сына, его одноклассники, сокурсники, сослуживцы по медсанбату. Оказалось, они приходят к Вере Михайловне каждый год в день рождения ее погибшего сына. Я услышал в тот вечер много хорошего о моем двоюродном брате. Судя по всему, он был поистине незаурядной личностью. Его любили и уважали, многие говорили о нем с восхищением. А я сидел и вспоминал Берлин и дядю Давида, который так часто говорил о своем Люсике.

Берлин, однако, запомнился фрагментарно – как вереница отдельных картин. Например, помнится медведь, вернее, его чучело в *KDW (Kaufhaus des Westens)* – одном из крупнейших универмагов немецкой столицы. Запомнились так-си с четырехугольным отверстием в крыше. Помню колкую траву на курортах *Bad Pyrmont* или *Nauheim*, которые родители посетили в 1923 году.

Помню, папа несколько раз уезжал и привозил «из Риги» конфеты, консервы, сметану. Один раз вся семья поехала в Штеттин – встречать «пароход с папой».

Много лет спустя я лучше понял Берлин моих детских воспоминаний. Он был одним из главных центров русской эмиграции. В Берлине тогда выходили две ежедневные русские газеты, работало 36 русских издательств. Берлинский район Шарлоттенбург тогда называли «Шарлоттенград»! В Берлинских театрах ставили русские пьесы. Уже юношей в Риге я услышал от мамы рассказ о том, как в берлинском кафе она видела нескольких известных петербургских писателей и публицистов и подумала, что они своего добились, но совсем, совсем не так, как они это себе представляли в первые недели войны. Она вспомнила, как эти литераторы в 1914 году призывали русскую армию: «На Берлин! На Берлин!». Русские оказались-таки в Берлине, но не победителями (это произойдет лишь в 1945 году), а эмигрантами.

Не все оставались в Берлине в эмиграции. Граф Алексей Толстой, известный художник Билибин и ряд других эми-

грантов вернулись в Россию, в советскую Россию. В Берлине того времени бывали Маяковский, Эренбург и многие другие.

* * *

Когда в начале двадцатых годов военный коммунизм в России¹³ сменила новая экономическая политика – НЭП, мои родители были столь наивны, что поверили в возможность перемен и решили вернуться в Россию. Путь вел через Ригу, но там они застряли и в конце концов остались.

Помню большие сборы: заколачивали ящики, паковали чемоданы. Я хотел помочь и, естественно, всем мешал. А потом был поезд... Мы ехали втроем – братья оставались в Берлине.

Затем был большой вокзал. Я отошел в сторону, чтобы что-то там посмотреть, и потерял из виду родителей. Остальное запомнилось обрывками – какие-то дяди, кто-то говорит со мной по-французски.

Меня отвели к родителям. Помню слезы на глазах мамы и то, как папа меня шлепнул по «продолжению спины». Позже я узнал, что все это было на вокзале в Варшаве. Следующий

---

¹³ Военный коммунизм – государственная экономическая политика в годы Гражданской войны, для которой характерны централизованное экономическое управление, национализация ресурсов, безвозмездное изъятие продовольствия у крестьян, военизация труда и т. п.

раз я был в этом городе 65 лет спустя, в 1988 году, по дороге в Торунь, в университет, где я провел очень интересный месяц. В Берлин я вернулся на двадцать один год раньше, в 1967 году. В тот раз это был «Берлин – столица ГДР». До Западного Берлина я добрался лишь в 1989 году.

А после «варшавского папиного шлепка» была Рига, откуда папа раньше привозил вкусные гостинцы. Рига, в которой мы остались и в которой я прожил большую часть жизни.

* * *

Хотя целью родителей было как можно быстрее продолжить путь в Петербург, первое, что они сделали, остановившись в Риге, – отдали меня в латышский детский сад. Через месяц я там уже всю тараторил по-латышски, пускай и на начальном, детском уровне.

Мы жили какое-то время в гостинице «Бельвю» на углу бульвара Райниса и Мариинской, потом переехали в дом на Лачплеша, 1 (на углу Кр. Валдемара). Только тогда говорили не «Лачплеша», а Романовская, не «Валдемара», а Николаевская. Последняя в 1941-1943 гг. станет улицей Германа Геринга, потом опять Кр. Валдемара, затем Максима Горького, а теперь снова Кр. Валдемара. История смены названий рижских улиц – занимательная тема, которая позволяет лучше понять поистине драматическую историю города.

Рига началась для меня с посещения знакомых. Не моих, конечно, – это были старые знакомцы родителей: сперва Константиновский, а потом Косманы. Старик Константиновский жил с семьей дочери – Либманами – на углу Романовской и Школьной. Когда мы пришли к ним в первый раз, его внук, мой одноклассник, взял меня за руку и сказал, что у него есть братик и он покажет мне его. Братик запомнился – он лежал в кровати, было ему всего два месяца.

Моего ровесника звали Миша Либман... Мы потом прочились семь лет в одном классе. Дружили. Дальнейшие этапы – 201-я дивизия летом 1941 года, Москва 1944 года. Много встреч в Москве и Салацгриве. Последнее свидание в Иерусалиме. Он профессор искусствоведения, автор многих книг.

«Братик» – Борис, он же Боря. С ним тоже многолетняя дружба в Риге. А в октябре 1941 года увиделись снова уже в эвакогоспитале № 2792 в Горьком (теперь этот город опять, как в давние времена, Нижний Новгород). Вместе прошли суровую и голодную школу 107-го запасного стрелкового полка, вместе перешли в Латышский запасной полк. Потом он «погиб» под Старой Руссой (у деревни Лялино). Похоронка пришла на адрес его друзей. А потом там же появился и он сам. Через годы он стал главным инженером огромного химического комбината в Сталин/Волгограде; год просидел в тюрьме. Последний раз я видел его, больного Альцгеймером, в Пенсильвании в сентябре 2006 года. Было очень боль-

но. Очень...

Об этой семье я еще многое скажу. Папа знал «старика Константиновского» по Питеру, они были компаньонами – вместе выполняли какой-то подряд, связанный со строительством Ревельского (Таллиннского) морского порта. Полученную прибыль они использовали по-разному. Александр Владимирович купил дом в скромном провинциальном Ревеле. Мой отец поступил, как тогда казалось, целесообразнее – приобрел здание в столице империи, в Санкт-Петербурге на паях со своим шурином дядей Борей. Но Ревель стал Таллинном и столицей Эстонии, в результате чего дом остался в собственности Константиновских (и приносил какой-то доход). А Санкт-Петербург сделался Ленинградом и провинцией советской России, позднее – «трёх секалок, одной ренкалки», то есть СССР. Этот самый СССР и стал в итоге владельцем дома на Кутузовской (тогда Французской) набережной, 16.

Старик Константиновский исключительно заботился об образовании внуков – братьев Либман, покупал им книги, карты, глобусы. И мне от всего этого кое-что досталось. У них была толстенная *Weltgeschichte*, то есть «Всемирная история», и когда им купили новое издание, старое перешло ко мне.

Второй визит был к Степану Косману и его супруге Рут. Они жили на Николаевской, «напротив» Романовской. Степан Косман был из Казани, с Поволжья, отсюда и знаком-

ство с моими родителями.

Рут была дочерью известного врача Исидора Бреннсона. Известен он был (это я узнал десятилетия спустя) и как автор трех книг о врачах Лифляндии, Курляндии и Эстляндии. Последний раз я видел эти три книги, переизданные после войны в ФРГ, на книжном развале во время одной из наших «прибалтийских тусовок» в 2006 году в таллиннском Вышгороде.

Косманы были своеобразной парой. Он – исконный россиянин, она – курляндская «немка» еврейских кровей. Стёпа вскоре ослеп. Я как-то с папой был у него. Запомнилась его фраза: «Не женись казанский татарин на рижской еврейке!». Когда муж ослеп, Рут Исидоровна проявила недюжинные способности – открыла «Салон красоты», стала производить какую-то косметику, сумела дать дочери Норе и сыну Лёне образование. Нора потом с мужем уехала в Англию. Лёню я как-то в 1942 году видел ночью у костра в так называемом Нестеровском батальоне Латышского запасного полка. Последний раз мы виделись в Нью-Йорке лет десять тому назад.

Третье мое знакомство в Риге – со старым другом нашей семьи по Питеру Яковом Яковлевичем Роостом. Бывший петербургский предприниматель в Риге стал владельцем мастерской по производству школьного мела. Я с ним продолжал общение и после смерти родителей, до 1940 года, когда он был вынужден покинуть Латвию и уехать в Швейцарию.

Он очень смешно говорил по-русски. Роост был фанатичным врагом большевизма и снабжал меня соответствующей литературой. Запомнились четыре тома романа П. Краснова «От двуглавого орла до красного знамени»¹⁴.

* * *

Лето 1924 года мы провели в пансионе на рижском Взморье – в Карлсбаде, только вот не помню, в Карлсбаде I или Карлсбаде II (Меллужи или Пумпури). Видимо, там мы познакомились и подружились с семьей Браунов.

В Лидочке Браун я нашел подругу (на год или два старше меня), с которой было интересно и весело. У нее была старшая сестра Заля. Отец бывал изредка в Риге, кажется, он работал где-то в Германии. Мать играла иногда с Лидой и со мной. Иной раз к нам присоединялся и двоюродный брат Лиды, которого звали Буби. Позже выяснилось, что он не Буби, а Герман. Герман Браун. Теперь имя этого прославленного пианиста у всех на слуху. После его смерти был создан Фонд Германа Брауна, на счете которого организация многих значительных музыкальных событий.

Клан Браунов (кажется, им принадлежал дом на улице Дзирнаву, 13) относился к так называемой «рижской бун-

---

¹⁴ Роман-эпопея П. Краснова в четырех томах «От двуглавого орла до красного знамени» впервые вышел в Берлине (1921–1922), переведен на 12 языков.

довской аристократии»¹⁵. Это были образованные люди из «небедных семей»; благодаря способностям и упорству им удалось преодолеть так называемую процентную норму и закончить в царской России гимназии. (Тут нужно напомнить: гуманитарное образование, которое давала «царская гимназия», отличалось отменной глубиной и прочностью). Часть из них закончила Рижский Политехникум, часть – другие высшие учебные заведения, кое-кто учился за рубежом. Все они в юности, в 1905 году приняли участие в революции. «Бунд» вместе с латышскими социал-демократами представлял собою какое-то время в Риге реальную силу.

Большей частью эти старые бундовцы говорили дома по-русски, но и ратовали за сохранение языка идиш. Все они категорически отвергали большевизм, сионизм и клерикализм.

Лидин дядя «Сергей» (его подпольная кличка сохранилась с 1905 года) был гласным Рижской городской думы. Почти глухой, он был известен, в частности, тем, что имел громоздкий слуховой аппарат и в ходе дискуссий с политическими противниками держал его возле уха во время своего выступления и клал на стол, когда оппоненты ему отвечали.

Летом 1925 или 1926 года мы, кажется, снимали дачу в

---

¹⁵ «Бундовская аристократия». Бунд – партия еврейских социалистов в царской России, позднее продолжившая свою деятельность в Латвии, Польше, Литве.

Меллужи (на той линии, где и по сей день стоит пожарная каланча). Брауны жили с нами. Где-то на большом (для меня) расстоянии от нас жила Бронислава Семеновна Рабинович, директор еврейской школы для, как тогда говорили, дефективных детей. Ее сыновья Женя (ровесник Лиды) и Витя (чуть младше меня) приходили к нам играть. Бронислава Семеновна вкуче с соседями решили устроить «интернациональный детский праздник». Для этого были все предпосылки. В Меллужи летом жили латыши, в том числе ученики Французского лицея, семья эстонского дипломата, еврейские дети, которые могли выступить с декламацией на иврите, идише, русском или немецком языках, здесь же отдыхали немцы, поляки. Лида встретила новость с восторгом. Мне тоже предложили участвовать, но, видимо, я был тогда очень робким. Так или иначе – я категорически отказался, и мама ни на чем не настаивала.

Через несколько дней мама попросила помочь ей отнести Брониславе Семеновне какие-то пакеты. Она несла два больших пакета, я – один маленький. Мы отдали принесенное, но мама задержалась, и я вышел в сад. Две латышские девочки попросили меня помочь им повесить на дереве плакат, что я и сделал. Потом понадобилась от меня еще какая-то помощь, и я оказался втянутым в веселую кутерьму подготовки к празднику. Я был доволен, рад, и когда мама меня нашла и сказала, что нам пора домой, я упрямил ее остаться. А потом выяснилось, что для какой-то сценки не хватает актера, и я

согласился эту роль исполнить. Я хранил до начала войны программу этого праздника. Но и не заглядывая в нее, помню, что были выступления (стихи, песни, сценки) на французском (блистала в них Вия, ученица Французского лицея), латышском, немецком, идиш и английском (я тогда впервые услышал популярную песню *It's a long way to Tipperary, it's a long way to go...*¹⁶). Всюду были развешаны лампионы, в заключение праздника в небо взлетели даже несколько ракет.

Много позже я понял: великое умение Брониславы Семеновны и ее помощниц заключалось в том, что ее «руководящая роль» (выражение советского периода, применялось обычно к КПСС) не была заметна. Дети были разного возраста, но между ними не делалось никаких различий. Таким он остался в моей памяти, тот «интернациональный праздник». (Намного позже мама мне призналась – в тех «пакетах для Брониславы Семеновны» были просто старые, ненужные газеты).

Одно лето мы жили в Буллене (Лиелупе) или в Бильдерлингсгофе (Булдури). Это лето запомнилось одним событием. Я с малых лет завидовал дворникам – тому, как они держат шланг, поливая улицу. По сей день в Апшудиемсе, поливая из шланга сад, я испытываю приятное чувство. Так вот, в дальнем углу сада я нашел длинный древесный корень,

---

¹⁶ *It's Long Way to Tipperary* («Долог путь до Типперери») – песня, сочиненная Джоном (Джеком) Джаджем (John Judge) в 1912 году; самый популярный марш британской армии в годы Первой мировой войны.

формой напоминавший шланг, и с удовольствием «поливал» из этого «шланга» грядки. Он обычно лежал наготове возле крыльца.

Однажды на порядочном расстоянии от нас начался пожар. Приехала пожарная команда (на лошадях). К месту пожара бежали люди. Я незаметно ушел из сада и отправился к месту происшествия. Пожар долго тушили, было много народу, ведра с водой по цепочке передавали из ближних дач. Было куда интереснее, чем на воскресном детском спектакле в русской Дrame. Когда я, довольный и усталый, вернулся домой, мама в сердцах схватила мой «шланг» и хорошенько меня отшлепала. Много, много лет спустя, году в 1953 или 1954 (мы жили на улице Шарлотес, 29, потом – на Горького, 123) пропал мой сын Гриша. Он играл на пустыре напротив нашего дома, бабушка и я посматривали из окна... И вдруг – ребенка не видно. Я спустился вниз, смотрю повсюду, одна мама тоже ищет своего мальчика. Волнение нарастает. Уличное движение тогда было далеко не столь оживленным, но все же...

Ну и переволновались же мы! Потом Гриша вернулся. Он выглядел таким же довольным, как я когда-то, «в эпоху пожара». Оказалось, мимо проходила похоронная процессия (в то время нередко умершего провожали пешком до самого кладбища). Грише показалось интересно, и он побрел вслед за всеми. Насколько помню, его кто-то привел. «Шланга» у меня под рукой не было. Все ограничилось строгим выго-

вором – не уверен, что он возымел действие. Куда большее впечатление, кажется, произвел на Гришу вид плачущей бабушки.

По крайней мере, он целовал ее и утешал.

* * *

Во времена моего детства в Риге мы не раз сменили местожителство. До 1929-го или 1930 года жили на улице Лачплеша, потом на Веру, Сколас. Теперешние молочные пакеты еще не были известны, молоко продавали на разлив, из бидонов. К дому на Лачплеша дважды в неделю приходила женщина, она собирала все, что оставалось от готовки и пищи – картофельные очистки, хлебные корки, обрезки овощей и прочее. Взамен мы получали молоко. Это был очень разумный обмен.

Никакого смога не было и в помине. Воздух был так чист, что по утрам вывешивали на улице Лачплеша проветривать постельное белье. Машин было совсем немного. Зимой часто можно было видеть поскользнувшихся на льду лошадей. Извозчики относились к тягловой силе очень по-разному. Если лошадь падала и не могла сразу подняться – скользко! – иной возчик принимался бить беднягу. В таких случаях во-круг тут же собирались зеваки. Такие картины в детстве при-

ходилось видеть во многих местах – у старой почты¹⁷, у кафе «Луна»¹⁸, напротив Кафедрального собора¹⁹.

Мальчишки привычно просили извозчика: «Дяденька, прокати!». Мне везло – на улице Дзирнаву, по которой пролегал мой путь в школу, работали два извозчика, один из них нередко подбирал меня. Так я гордо доезжал до угла улицы Стрелниеку, где уже кучковались школьники. Они кричали: «Ого, Петр опять прикатил, как барин!».

Нашему поколению посчастливилось расти без телевизора. Все наши игры, за исключением шахмат или шашек, были связаны с движением. Врожденную людскую агрессивность мы избывали в играх – прятках, салках, жмурках, была еще такая игра «собачки».

Были и другие увлечения. Например, летом 1928 года все мальчишки разделились на две группы по интересам: одни только и говорили, что об Олимпийских играх в Амстердаме, другие не хотели слышать ничего, кроме новостей об экспедиции Нобиле к Северному полюсу. Минули десятилетия,

---

¹⁷ «Старая почта» – здание Главпочтамта и телеграфа на бульваре Аспазияс, 5, где теперь располагаются факультеты экономики и управления, а также истории и философии Латвийского университета.

¹⁸ «Луна» – кафе в Риге напротив Бастионной горки, на углу улицы Калькю и бульвара Мейеровица, в настоящее время там ресторан быстрого обслуживания «макдональдс».

¹⁹ Христорожественский православный кафедральный собор на Эспланаде в Риге.

мы с женой смотрели фильм «Красная палатка»²⁰. Жена не могла понять, откуда я знаю заранее все события, имена героев. «Когда ты все это узнал?» – «В 1928 году». Я и сегодня могу перечислить всех участников той давней героической экспедиции по именам.

Мой старший брат Григорий учился в Париже, но из-за недостатка средств вынужден был вернуться в Латвию. Позднее, в тридцатые годы он уехал еще раз за границу, в Неаполь, уже вместе со своей невестой Мирой. Ему помог материально дядя Илья, помогали и другие бездетные дяди, в кармане у которых что-то еще оставалось от царских времен. С их помощью Григорий продержался на плаву еще какое-то время, но денег не хватило, и ему снова пришлось вернуться в Ригу.

Колоссальное, незабываемое впечатление на меня оставил средний брат, Илья. Один случай я вспоминаю всю жизнь. У меня был друг Витольд²¹, латышский парень, живший в нашем доме этажом выше. Сын инженера, он наследовал профессию отца. Я слышал, что после войны он попал в Амери-

---

²⁰ Исследователь Арктики Умберто Нобиле в мае 1928 года осуществил свою вторую экспедицию на Северный полюс на дирижабле «Италия». 24 мая он потерпел аварию; начались спасательные работы. Эти события отражены в совместном итало-советском художественном фильме «Красная палатка» (*La tenda rossa*); режиссер Михаил Калатозов.

²¹ В интервью Атису Климовичу в 2006 году П. Крупников в этом эпизоде назвал друга Леонидом, а не Витольдом. (См. *Es biju ķīnietis, mēs uzvarējām. Saruna ar vēsturnieku Pēteri Krupņikovu* в книге *PersoniskāLatvija. R., Dienas grāata, 2011*).

ку и в Чикаго стал главным инженером крупного завода. Уже в детстве у Витольда были игрушки с техническим уклоном, даже миниатюрная паровая машина. Я никакой не технарь, но играл с ним самозабвенно. И в один прекрасный день мы с ним рассорились вдрызг. Илья, заметив, что с нами что-то неладно, осведомился, в чем дело. «Мы с ним рассорились». – «И ты больше не хочешь дружить с ним?» – «Я бы хотел, но он меня обидел! Мы с ним вообще не разговариваем!» – «И как давно?» – «Шестой день!» Илья обдумал ситуацию и сказал: «Подождем еще один день, тогда будет полная неделя. У индейцев принято после недели разлада выкуривать трубку мира».

Через день он усадил рядом нас обоих. Витольд тоже был не прочь выкурить трубку мира. Брат размял концы папирос так, чтобы там не осталось ни крошки табаку, зажег папиросу, дал одному, потом другому, сам третьим втянул первый дымок. «Так, теперь по индейским законам вы снова друзья!» Мы оба, бесконечно довольные, тут же побежали играть с машинами Витольда.

В другой раз мы – я и еще один, тоже семилетний мальчик, поспорили с Лидой Браун, которой было уже девять. Ее аргумент – почему мы неправы и не можем быть правы – состоял именно в том, что нам всего семь лет, а ей на два года больше. «Но вместе нам целых четырнадцать!» – не сдавались мы. Как разрешить спор? Отправились к Ильюше. Он отпустил Лиду и сказал: «Знаете что – возьмем пятнадцать младенцев.

Вам двоим вместе четырнадцать лет, но так как младенцев пятнадцать, они будут главнее». Я возмутился. Как можно каких-то там пятнадцать сосунков сравнивать с нами! «Слушай, нам ведь семь лет!» Илья задумчиво покачал головой и произнес: «Да, семь лет – это уже большая птица!». С Лидой он в тот же день также достиг компромисса.

В детстве я очень любил совершать путешествия по географической карте. У меня был большой географический атлас, и однажды я сказал Ильюше, что, мол, неплохо было бы хорошенько изучить большую карту Европы. И на другой день я увидел расстеленную на чертежной доске большую карту Европы на немецком языке. Брат уже ушел, но оставил мне задание: найти кратчайший путь из Петербурга в Мадрид. Найти кратчайший путь! – это меня завело, я принялся за исследования и расчеты. Похожие задания брат давал мне не раз. Однажды, внимательно изучив предложенный мною маршрут, он указал на какое-то место: «Вот здесь у тебя неправильно!». Но я был убежден, что у меня все верно, потому как старательно все измерил и рассчитал, и я готов был защищать свою правоту до последнего. Илья меня выслушал, пожал мне руку и сказал: «Да, ты был прав!».

Я так радовался, что брат признал мою правоту! Думаю, Илья с самого начала знал, что ошибки нет, но хотел, чтобы я учился отстаивать то, в чем уверен.

В 1928 году, когда я уже занимался перед школой в подготовительном классе, а маме пришлось задержаться в пан-

сионе в Кемери, две недели мы прожили вдвоем с Ильюшей, и эти две недели до сих пор остаются в моей памяти как момент абсолютного счастья. Я был все время рядом с взрослым братом, и он обращался со мной как с равным. Мы говорили о множестве вещей. Например, о слове «изнасиловать», попавшемся мне на странице газеты «Сегодня»²² (в семь лет я уже читал эту газету). Ничего не зная о настоящем смысле слова, я интуитивно чувствовал, что за ним скрывается что-то злое и в то же время интересное.

В 1929 году брат Илья уехал в Россию: там образование было бесплатным. Он работал на фабрике, организовал очень хороший физкультурный кружок и за это был награжден поездкой на Кавказ. Там, спасая какую-то подвыпившую женщину, Ильяша утонул. Это случилось в 1930 году. Через годы, узнав и осознав то, что происходило в СССР в 1937 году, я пришел к ужасному выводу: лучше уж такая смерть, чем то, что неминуемо ожидало бы Ильюшу: арест, избиения и пытки в чекистских подвалах, чтобы выбить признание: да, я иностранный шпион... Ибо, по их разумению, зачем еще, как не шпионить, мог приехать человек в Советский Союз?

---

²² «Сегодня» – крупнейшая ежедневная русская газета Латвии в 20-30-е годы XX века.

В нашем доме все решала мать, – отца я большей частью помню как старого, сломленного недугом человека. Мама не была красавицей, но умела привлечь к себе внимание. Выглядевшая «очень по-русски», она, как правило, успевала ненавязчиво подчеркнуть свое происхождение.

Маму можно было считать эмансипированной женщиной. Это особенно заметно стало в Петербурге, куда перебрались мои родители. В том кругу, где они были приняты, женщину уважали. Задеть ее достоинство считалось проступком непростительным.

У матери была своя система воспитания, назвать ее атеистической было бы преувеличением, но направленность была, пожалуй, именно такая. Однажды, когда мне было года четыре и отец еще не болел, он надумал научить меня какой-нибудь молитве на древнееврейском языке. Я ничего не понимал, только смеялся над словами, такими странными. И хорошо помню, как мама сказала отцу: «Яков, оставь ребенка в покое. Ты ведь видишь, он ничего не понимает». Однако и сама она пересказывала мне библейские сюжеты из Ветхого и Нового Завета. Рассказывала о Моисее, о Христе и апостолах, но подавала это как легенду, сказание. В том же ключе, что и античные мифы и былины про русского богатыря Илью Муромца. От матери я получил первое общее

представление о культуре.

Один из таких рассказов матери был об Иисусе Христе – как он с учениками в Ханаане увидел грешницу, которую толпа собиралась забить камнями. Христос сказал тогда: «Кто из вас без греха, пусть первым кинет камень». И распаленные гневом люди один за другим уронили из рук приготовленные для расправы камни. Этот рассказ напомнил о себе во время войны, когда я был офицером Красной Армии. Политрук Янсон, бывший чекист, приказал мне наказать солдата, допустившего опоздание, но я приказ не выполнил. Наутро Янсон потребовал объяснений: как это я посмел ослушаться приказа? Я ответил: «Знаете, я очутился примерно в такой же ситуации, как Христос, когда он сказал людям: «Кто из вас без греха, кинь первый камень». И все побросали свои камни на землю. Вчера я тоже бросил наземь свой камень». Политрук остолбенел и на миг просто лишился дара речи. В 1943 году на фронте Великой Отечественной войны я объяснял свое поведение словами Иисуса!

Наш комиссар только и произнес «Можете идти!». Он не нашелся, что сказать.

Двенадцати или тринадцати лет от роду я сам для себя придумал некую комбинированную религию. Она включала в себя что-то от христианства, что-то от иудаизма плюс кое-что из малоизвестных страниц Толстого о буддизме и карме. Я читал эти работы, и они мне очень понравились.

Иногда, засидевшись в гостях у Либманов, я оставался у

них на ночь. Моя кровать была посередине между кроватями братьев. Мы рассказывали друг другу разные занимательные истории, но, укладываясь на ночь, Миша всегда говорил: «Сперва – 10 минут молчания, потом поговорим». Когда это повторилось в третий раз, я спросил: «Ты молишься Богу?» – «Да!» – «Я тоже».

Позже у меня выработалось такое отношение к религии: я не могу доказать, что Бог есть, и не могу утверждать, что его нет. Это – вопрос веры. И второе: если религия своей моралью способна хотя бы немного обуздать ту бестию, что прячется внутри человека, пусть делает это. И если для этого ей требуется соответствующий ритуал, я не имею ничего против.

Мне было пятнадцать, когда под влиянием одного друга (который позже перестал быть другом) я испытал особый интерес к католицизму. Уже потому, что он существует две тысячи лет. Но тут я где-то прочел о разговоре Наполеона с папой римским. Наполеон сказал: «Я разрушу вашу церковь!». Папа начал смеяться. Ответ его был таков: «Если уж наши священники и папы своим поведением не смогли ее погубить, то что вы сможете?». Примерно такое отношение к религии сложилось и у меня.

Как-то один очень религиозный еврей спросил меня: «Твой отец часто посещает синагогу?» – «Да». – «Как часто?» – «Дважды в год», – отвечал я. «В синагогу нужно ходить каждый день!»

Мой отец вместе с дедом братьев Либман посещал синагогу действительно два раза в год и, кажется, думал, что тем самым свои счеты с Богом уладил. А я праздники помнил животом. Обычно в праздничные дни много едят, готовят особые блюда по особым правилам, и это бывает очень вкусно. Готовить было женское дело.

* * *

Женщины, бывшие рядом с моей матерью, и сегодня вызывают во мне уважение. Это были истинные дамы. Да и жизнь в Латвии двадцатых годов прошлого века протекала совсем иначе, нежели сейчас. Без спешки.

Вскоре после нашего переезда на Лачплеша, 36 мама стала участницей *бабника*. Так как в Риге у меня уже не было бонны, мама брала меня с собой на собрания женского кружка. Кто были его участницы? Лишь немногих я могу назвать по имени, в то время всех этих дам я звал «тетями».

Людмила Исидоровна Якобсон мне, особенно ближе к повзрослению, казалась едва ли не самой интересной из всех. Она жила вместе с двумя сыновьями на улице Дзирнаву, нигде постоянно не служила, но занималась философией, писала рецензии и заметки для газет – немецкой *Rigasche Rundschau*²³ и русской *Сегодня*. Очень образованная дама. Я

---

²³ Rigasche Rundschau («Рижское обозрение») – крупнейшая в Прибалтике газета балтийских немцев, выходила в Риге до 1939 года.

навещал ее и потом, через годы. Тетя Ванда была полячка, если не ошибаюсь – жена врача. Адель Вильгельмовна – немка. Тетя Глафира и тетя Оля – русские. Тетя Ива – латышка (так ее называл только я, взрослые – Ивандой, прибавляя иногда и отчество, которого я не помню). Роза Марковна и тетя Дора – еврейки.

Все эти анкетные данные относительно национальности участниц *бабника* я почерпнул много позже из рассказов мамы. Что объединяло этих женщин, столь разных? Санкт-Петербург и русская культура. До революции все они или жили в столице империи, или часто там бывали – посещали театры, оперу, выставки. Собrania кружка – поочередно в доме каждой из участниц – посвящались обсуждению прочитанных книг, прослушиванию грампластинок, воспоминаниям, просмотру фотографий и репродукций. Вдобавок ко всему этому – вкусное угощение, которое сумел оценить и я. В памяти остались два или три вечера у нас дома. Кулинарные способности мамы пользовались общим признанием.

Ничего конкретного из содержания тех собраний я не запомнил. Зато помню их атмосферу – дружескую, сердечную, одновременно и шутивную, и серьезную. Когда мы вконец обеднели и мама начала работать, она каждую участницу *бабника* уведомила, что в собраниях кружка больше не будет участвовать, потому что не имеет возможности принимать подруг у себя дома. Людмила Исидоровна позднее, уже после смерти мамы, рассказывала мне, что все они много раз про-

сили маму изменить это решение, но она была непреклонна и прервала почти все связи с *бабником*. «Почти», потому что дамы к ней все равно приходили. Тетя Ванда являлась, чтобы заказать какое-то вязание и сказать: она надеется, что хотя бы как клиентку ее не прогонят. Затем звонила у дверей Роза Марковна, потом Людмила Исидоровна.

Однажды в начале тридцатых годов в кинотеатре «Маска»²⁴ показывали документальную ленту «Ленинград». Мама взяла меня в кино с собой. У входа пришлось стоять в очереди, после предыдущего сеанса публика начала выходить. Мы увидели нескольких дам из *бабника*, они, да и многие другие, выходили с заплаканными глазами.

После маминой смерти участницы кружка позвали меня в гости. Их было пять или шесть. Тетя Адель уехала в Германию, еще одна в Париж. Говорили только о моей маме, каждая делилась своими воспоминаниями. Я слушал со слезами на глазах. Они предлагали мне помощь – до того, как я достигну совершеннолетия. Мне дали неделю на обдумывание. Через неделю, посоветовавшись с Гришей и Мирой, я сердечно поблагодарил милых дам, но от помощи отказался. Не знаю, было ли это правильно.

---

²⁴ Кинотеатр «маска» находился на ул. Элизабетес, 61 – рядом с кинотеатром Splendid Palace, построенным позже. В «маске» без перерыва показывали главным образом документальные фильмы. В советское время кинотеатр обрел новое имя – «Спартак». В 1969 году старое здание снесли, чтобы построить на его месте «Стереокино». В 1990-е годы здесь был устроен игорный зал «Клондайк», работающий поныне.

Через много лет, когда я уже преподавал в Сельскохозяйственной академии, коллега Патурская упомянула, что ее тетья в свое время посещала собрания *бабника* и все еще вспоминает мою маму. Тетья, правда, сильно болеет. Хотела бы, как только выздоровеет, пригласить меня в гости. Через две или три недели Патурская сказала, что тетья умерла и уже похоронена. К сожалению, не помню ее имени. И Патурской, увы, больше нет.

Кажется, около 1925 года из России приехала к нам бабушка – мамина мама. Она была очень старенькой, лицо в одних морщинах. Не удивительно – она родила много (кажется, восемь) детей, пережила гражданскую войну и голод 1921 года²⁵. Мама обращалась к бабушке на «вы», ставила вечером (не знаю, как часто) таз с теплой водой и тщательно мыла ей ноги. Папа и мама не садились, пока бабушка не сядет. Через несколько лет в разговоре с мамой я вспомнил эти подробности. Подумав, мама сказала, что времена меняются. Когда она росла, так было в семьях всех ее друзей и соучениц. А то, что времена меняются, можно видеть и по нашей семье – ни папа, ни она, мама, не ожидают, не требуют такого обращения. Ей было бы странно слышать, как Гриша, Ильюша или я говорят ей «вы». Но... И мама не без удоволь-

---

²⁵ Голод в Поволжье стал результатом засухи, военной разрухи и большевистской политики военного коммунизма. Считается, что его жертвами в 1921 году стали около 5 миллионов человек.

ствия рассказала мне о виденном в пансионе во Флоренции. Недалеко от общего обеденного стола стоял другой, «английский», как его называли, стол. Англичане собирались к трапезе, и каждый молча становился за своим стулом. Никто не опаздывал. И вот появлялась их бабушка – старая леди, очень бодрая, подтянутая. Она здоровалась и, садясь, жестом приглашала остальных сесть.

Мама говорила, что эта традиция нравилась всем.

* * *

В это время (в 1925 или в 1926 году) началась папина болезнь. Он простудил в холодильниках ноги, и на одной, на мизинце образовалась гангрена. Через десятилетия Женья, моя жена, тогда еще студентка, пришла в ужас, узнав, как лечили папу – горячими ножными ваннами (помню, как хирург, прощаясь, наставлял нас: «Чем горячее, тем лучше!»). Приходя, хирург отщипывал кусочки гангренозной ткани, что приносило папе невыносимую боль; я помню его лицо, лицо до конца измученного человека, его стоны и вскрики. Мизинец спасли, но папа изменился до неузнаваемости. До его смерти летом 1937 года это был сначала медленный, потом все более скорый процесс угасания, потери личности – памяти, речи, всего, на что способен физически и духовно полноценный человек. Когда я теперь думаю о том, что папе (он родился в 1872 году) в начале этого процесса было 53–

54 года, другими словами, он был на три десятилетия моложе «меня сегодня», на душе становится тяжело... А маме в 1926 году было 45 лет. Страховки или социальной помощи семья не имела, больничные кассы охватывали, в основном, лишь людей наемного труда. Врачи приходили часто, гонорары были очень высокими, нас было шестеро в семье, и к тому же полагалось платить какие-то деньги за разрешение бабушке проживать в Латвии²⁶. Денег не нашлось, и она вернулась в Россию.

В общем, к концу двадцатых годов семья обеднела. Мне приходилось донашивать вещи братьев, все они были мне велики и – что не оставалось незамеченным в классе – старомодны.

Моя мама не сдавалась. В 1928 году мы уже не жили в Юрмале, и она попыталась держать пансион в Кемери. Однако мать быстро прогорела, она не умела считать и комбинировать. Однажды какой-то человек даже заплатил ей больше, чем с него причиталось, и предостерег: «Мадам, вы станете банкротом, если за такой обед будете брать всего полтора лата». Пророчество быстро сбылось.

После этого в один прекрасный день в доме появилась вязальная машинка. Она была куплена в магазине Липперта на

---

²⁶ Разрешение на пребывание означало возможность жить на территории Латвийской Республики в течение года. Стоимость такого разрешения определялась соглашением с тем или иным государством и составляла от 2 до 60 латов в год.

Смилшу. Мой первый вопрос был – откуда деньги на машину. Мама ответила, что продала золотые часы, бриллиантовое кольцо, еще что-то. И, кроме того, еще сколько-то одолжил Константиновский.

Мама показала характер – не повесила нос, когда, будучи еще недавно женой состоятельного человека, не знавшей забот, вдруг потеряла все. Она начала вязать. Сначала для магазина на Скарню, 8 (номер, впрочем, под вопросом). Он принадлежал Глазману, владельцу квартиры, в которой мы снимали комнаты. Вскоре я заметил, что дома мама показывает Глазману готовую работу, он все осматривает и одобряет готовые вещи. Потом мама относит все в магазин и возвращается озабоченной, совсем непривычно мрачной. Один раз я помог маме отнести вещи и вышел потом на улицу. Спустя какое-то время и мама вышла, зашла в ворота *Конвента сета*, прислонилась рукой и лицом к стене. Ее плечи подергивались, я понял, что она плачет, что Глазман ее, мою маму, обидел. Я начал гладить мамину спину, утешать ее. Как я жалел, что я маленький. Что не могу открыть дверь, зайти к Глазману в магазин и переломать ему все кости. Папе еще можно было что-то рассказывать, и я поведал ему обо всем этом. Он твердо сказал маме – надо переехать на другую квартиру, но до этого найти другого заказчика.

Не знаю, как, но заказчик был найден – магазин *Louis Tahl*. Я в дальнейшем нередко относил туда готовые вещи и хорошо знал этот магазин. В октябре 1944 года я дошел до него

по улице Калькю; дальше пройти было невозможно – на другой стороне улицы (там, где теперь площадь Ливу) горел магазин *Pestalocci*. Жара была невероятная.

Еще позднее, после войны, в помещении этого магазина было «Балтийское ателье мод», теперь там кафе *Nostalgija*²⁷. И каждое лето, бывая в Риге, я по крайней мере один раз захожу в это кафе. Если погода хорошая, я сижу за столиком снаружи и какое-то время предаюсь воспоминаниям. *Louis Tahl*, жар от горящего *Pestalocci* в 1944 году... Мой первый костюм, сшитый в «Балтийском ателье мод», между прочим, с браком. А дальше – я просто наблюдаю за прохожими. В последние годы здесь летом толпы туристов.

Мы переехали на улицу Веру. Далеко не все рижане (даже коренные) знают эту улочку; начинается она от улицы Видус и через несколько домов кончается, упираясь в улицу Валкас, в тыл территории прежнего посольства США, фасад которого выходил на улицу Ханзас, напротив Царского сада²⁸.

Между прежним жильем на Лачплеша, 36 и новым, на Веру, для меня была «преогромная, невообразимая разница». На Лачплеша был асфальтированный маленький двор, детям негде было играть. Ближайший парк был Верманский, до которого еще несколько перекрестков с оживленным (конечно, по тогдашним меркам) движением. А тут – большой сад,

---

²⁷ В 2015 году на этом месте, улица Калькю, 22, расположен бар «Ампи́р».

²⁸ Посольство США в Риге перед Второй мировой войной находилось на площади Вашингтона.

причем, к нашему, детскому счастью, совсем не устроенный, пустырь с диким кустарником и отдельными деревьями. Со-
всем недалеко начинался Царский сад, подальше – Стрелко-
вый сад. Но самое, самое главное – там, за улицей Аусекля
(или Царскосадовой, или *Kaisergarten Str*), за Экспорта (Виля
Лача) был торговый порт!!! Склады с зерном, около которых
было невероятное количество голубей. Вспугнешь их – они
шумно взлетают, роняя перья, которые потом служили нам
материалом для «индейских» головных уборов.

В порту каждый раз открывалось что-то новое. Были та-
инственные закоулки, приходили корабли (не слишком ча-
сто, на дворе был кризис), шагали вразвалку моряки. Как-
то мы добрались до залива, где стоял – на летнем отдыхе –
ледокол *Krisjanis Valdemars*²⁹. Нас пустили на корабль, пока-
зали машинную часть, трюм и прочее. В этом же заливчике
стояло много барж. Между ними были перекинута мостки,
можно было перебежать с одной баржи на другую.

Вокруг было столько любопытного, что глаза разбегались.
В нашем доме детей моего возраста не было, но к нам во
двор приходили ребята из дома напротив. Это были Леня и
Боря Соковы, племянники владельца обоих домов, доктора
Лаздыньша. Приходили Нора и Франк (фамилию точно не

---

²⁹ Ледокол *Krisjanis Valdemars* построен в Глазго в 1925 году по заказу Департа-
мента мореходства министерства торговли и промышленности. Как единствен-
ный пароход, построенный в довоенной Латвии, он стал ее своеобразным сим-
волом. В 1941 году при эвакуации в Кронштадт ледокол наскочил на мину и за-
тонул в Финском заливе.

помню, кажется, Эрдман), а также мой одноклассник Аксель фон Кипарски и его брат Вольдемар. Приходили Владек и Юрек с улицы Видус. Иногда снисходил к нам и участвовал в наших играх молодой Лаздыньш, кажется, Раймондс (или Роландс).

Соковы были русские, Нора с братом – немцы, Владек с братом – поляки, Лаздыньш – латыш. Я был среди них единственным евреем. Кроме одного раза я никаких тренировок или инцидентов по этому поводу не помню. Зато этот «один раз» запомнился накрепко. Мама вручила мне сетку (в советское время я сказал бы «авоську» или «тару») и дала поручение – купить хлеба и масла. Я вышел во двор, там стояли Лаздыньш и еще кто-то, Лаздыньш загородил мне путь и спросил издевательским тоном что-то вроде – *kur tu, žīdiņ, iesi?* (т. е. «куда это ты, жиденьш?») Я пытался его обойти, но мне не дал этого сделать кто-то другой (или другие, не помню). Я вернулся домой. Мама удивилась: «Что это ты так скоро? И где покупки?». Я объяснил ей ситуацию и сел читать. Но мама не успокоилась. «Если ты будешь праздновать труса, тебя всегда будут бить!» – сказала она. Я с тяжелым сердцем взял «тару» и пошел. Те же стояли у крыльца. Все повторилось, кроме одного – я попытался пробиться силой. Раймондс оттолкнул меня. Я снова попытался прорваться. Он был выше и крепче меня, но я не отступался. Наконец, он кулаком ударил меня по лицу. Из носа пошла кровь. Он опустил руки и смотрел, улыбаясь, на меня. И тут я ему ответил – от-

ветил так же, тем же способом. Теперь и у него из носа пошла кровь. Он был крайне удивлен. Я спокойно вышел на улицу, двинулся в магазин. Хозяин дал мне сперва «хлебной бумаги» (тонкая светло-коричневая бумага, в которую заворачивали только хлеб). Расплатившись, я пошел домой. Те же, кроме Раймонда, стояли у калитки. Никто меня не тронул. Дома я обнаружил, что наготове ждут меня вата, йод и бинт. Мама меня обработала, пришлось сменить и нижнюю, и верхнюю рубашку. Я сел опять читать, придерживая вату у носа. Мама нет-нет и поглядывала на меня, кажется, очень довольная.

История имела продолжение. Оказывается, Соковы рассказали о происшедшем матери, та – своей сестре, госпоже Лаздыньш. Доктор Лаздыньш, встретив на другой день маму, высказал сожаление по поводу инцидента и прибавил, что Раймондс получил взбучку. Мама ответила, что мальчишеские драки – обычное дело. Лаздыньш возразил: если бы то была обычная драка, он бы и слова не сказал, но до этого Раймондс произнес слова, которых не следовало говорить. Мама была довольна разговором. Мне она о нем сообщила лишь несколько лет спустя.

На улице Веру мы прожили, может быть, не больше года, но у меня остались о ней светлые воспоминания: наши игры, походы в порт, раздолье нашего запущенного сада и пустыря. С тех пор я всегда оцениваю место жительства по тому, насколько оно приспособлено для детей. К сожалению,

сегодня «телек» и «комп» вытеснили прежние игры – прятки, «собачки», «Стой!» и *Völkerball*... Мы опять переехали – на Сколас, 4, в квартиру № 3. Дом состоял из двух частей – парадный вход с улицы, с фасада, и другой вход – со двора, проходили туда через ворота. Вариант, типичный для многих рижских домов. Здесь был большой двор и как бы спрятанный малый двор. В нашу третью квартиру вход был с улицы, но окна выходили не на улицу, а на оба двора. Мы не принадлежали ни к «одним», ни к «другим». С одной стороны был Еврейский клуб и Еврейский театр, с другой, близко – кинотеатр «Форум». С той стороны «Форума», через Елизаветинскую улицу, была Эспланада – большой парадный плац между Кафедральным собором на Александровской улице (в разное время Бривибас, т. е. Свободы, Гитлера, Ленина) и *Börsen-Kommercgymnasium* (теперь Академия художеств) и музеем на Николаевской (она же Кр. Валдемара, Геринга, Кр. Валдемара, Горького, снова Кр. Валдемара). На Эспланаде проходили парады, праздники песни, выстраивались киоски рождественских базаров, зимой здесь, бывало, заливали каток, конькобежцы катались под музыку. В начале полета Цукурса в Африку музыку иногда прерывало громкое восклицание: «Цукурс вылетел в Гамбию!», через некоторое время – «Цукурс прилетел в Гамбию!».

Вокруг плаца шла аллея, били фонтаны, стояли скамейки. К приезду шведского короля Густава V в 1929 году за собором построили деревянную трибуну для высоких гостей,

принимавших парад.

Хотя на Эспланаде с весны до осени было пыльно, там собиралась молодежь, дети, подростки. Играли в футбол и – главным образом – в «билеты». Я был страстным «билетчиком». То была особая мальчишеская игра. Мы использовали картонные железнодорожные билеты, у каждого из которых была своя ценность. Рига-Юрмала, 3-й класс, в одну сторону – простой билет. Рига-Юрмала, туда и обратно – двойной билет. Если попадался билет 2-го класса, туда и обратно, он котировался вчетверо дороже простого. Затем шли другие города и станции, и тут все решало расстояние. Например, Балви ценились дороже Валмиеры. Однажды один мальчик показал нам билет царского времени Харбин-Хабаровск. Он его именно только показал, не выпуская из рук. Еще у кого-то нашелся билет Париж-Тулуза. Мы постановили, что он стоит двухсот обычных билетов. Иноземные бумажные, а не картонные билеты нас не интересовали, они не годились для игры. Тут требовались именно картонные билеты, которые строго по правилам выстраивали в одну линию, потом каждый метал свою монету, биток, и ударял по билетам, стараясь, чтобы они перевернулись на другую сторону. Это делали, стоя на коленях, поэтому штаны мальчишек на коленках вечно были протерты.

В школу я пошел семи лет, когда мы еще жили на улице Лачплеша. Сам момент выбора школы запомнился мне на всю жизнь. По воскресеньям за столом собиралась вся семья; покончив с обедом, вслух читали рассказ или стихи из свежего номера какого-нибудь русского журнала, иногда это были стихи Пушкина, не публиковавшиеся раньше. В нашем доме царил атмосфера высокой русской культуры.

Моей обязанностью было после воскресного обеда унести на кухню грязную посуду. Я это сделал и на сей раз, а когда вернулся в столовую, отец сидел на моем месте, и кресло главы дома было свободно. Я стоял и ждал, когда отец в него пересядет. Но он сказал: «Садись на мое место!». Я слегка струхнул – может, я что-нибудь не так сделал? Но что ж – у всех на виду пошел и сел во главе стола.

Так и так – мне надо будет идти в школу. Говорили понемногу все. Отец совсем кратко, мать тоже сказала всего несколько слов. Речь держали в основном братья. В русской школе мне было бы совсем легко, я ведь умею читать и писать, знаю наизусть стихи, песенки. Меня признавали хорошим декламатором. На семейных торжествах я читал, например, стихотворение Лермонтова «Бородино» или стихи Пушкина. «Короче говоря, русская школа – это одна возможность, там учиться было бы нетрудно, и тебя ждала бы

легкая жизнь. Но есть и другая возможность – немецкая школа. Немецким языком ты не владеешь нисколько, тебе придется тяжело, особенно вначале, но зато ты освоишь новый язык, а вместе с ним откроется и новый мир – нечто такое, чего ты раньше не знал и не узнал бы, если бы не пошел в эту школу».

Так они говорили, и за их словами я, семилетний мальчик, ощутил вызов – если ты стоящий парень, выбирай то, что труднее!

Я выбрал второй вариант даже не из-за обещанных мне открытий, а именно потому, что он был труднее. Я инстинктивно чувствовал, – такое чувствует и знает любой ребенок, – что в глазах матери и всех остальных я потеряю, если выберу легкий путь. Поэтому я твердо сказал: «Немецкая школа!».

В Риге было семнадцать или восемнадцать немецких школ, но лучшими из них считались две – 10-я и 13-я. Мой старший брат Григорий пошел поговорить обо мне в 10-ю немецкую начальную школу. Ее директор долго не соглашался брать меня, так как им оплачивали обучение только немецких детей. Сколько-то латов надо было платить и родителям, но расходов на обучение эти деньги не покрывали. Под конец директор спросил брата: «А вы-то сами в какую школу ходили?» – «В петербургскую *Petrischule*». Не говоря больше ни слова, директор раскрыл журнал и вписал мое имя.

Подготовительный класс располагался в так называемом *Forburg'e*, на улице Аусекля, следующие классы, включая и гимназию, – на улице Стрелниеку, 4 а, в доме, построенном по проекту Михаила Эйзенштейна (теперь там Стокгольмская высшая школа экономики в Риге).

Пару лет назад летним днем, закончив работу в библиотеке Мисиня, я не спеша направился домой в Старую Ригу и, оказавшись на улице Стрелниеку, вдруг застыл возле здания своей бывшей школы. С ума сойти – я в этом доме не был с 1934 года! Войду. Вошел, никем не остановленный, там все «потроха» изъяты, все переделано, перестроено на современный лад. Лифтом поднялся на седьмой этаж, по лестнице спустился вниз, останавливаясь на каждом этаже, осматривая все и читая имена на дверных табличках. На третьем или втором этаже навстречу идет мужчина, спрашивает по-английски, что я тут ищу. Хочет мне помочь. Я ответил: «Ничего особенного я не ищу. Только свое прошлое». Он вопрошающе взглянул на меня: «Какое прошлое вы ищете?» – «Я учился в этом здании». – «Когда?» – «С 1928 по 1934 год». Незнакомец схватил меня за руку и повел к себе в кабинет. Оказалось – ректор. Вызвал латыша, лет тридцати, тот переспросил: «Когда вы здесь учились?» Я повторил: «С 1928 года». – «Сколько же тогда вам лет?» – «Восемьдесят шесть». Больше они ничего не спрашивали, только смотрели на меня – живого свидетеля далекого прошлого. Подарили мне галстук выпускника и книгу, в заключение пригласив на

вечер выпускников, назначенный на начало учебного года. Но к тому времени я был уже не в Риге.

Итак, я поступил в немецкую школу, где брат записал меня в подготовительный класс. В первый день происходило общее знакомство со школой, потом урок физкультуры. Я в гардеробе переодевался и насвистывал. Подошел господин Ханке: в школе нельзя свистеть. Но я не понимаю его слов! Смотрю ему в глаза и продолжаю свистеть. В немецкой школе это что-то немыслимое – смотреть учителю в глаза и продолжать делать то, что запрещено! Господин Ханке повторил сказанное, уже гораздо строже. Я продолжал свистеть. Господин Ханке налился кровью, но тут другие дети хором стали объяснять ему, что я неполноценный, не понимаю по-немецки. Учитель, как потом выяснилось, был не балтийский немец, он прибыл из немецкой колонии в России. На чистейшем русском языке он обратился ко мне: «Ты что, вообще не говоришь по-немецки?» – «Нет, не говорю». – «Как же ты поступил сюда?» – «Я научусь!»

Как-то к концу второго года или в начале третьего мать утром разбудила меня, и я спросонок буркнул что-то по-немецки. Тогда она поняла, что язык в меня уже вошел. При том я освоил язык с балтийско-немецким произношением. Поздней, когда я работал в университетах Германии, этот балтийский акцент, считавшийся аристократическим, мне очень пригодился. После лекции слушатели нередко подходили, чтобы в самых лестных тонах похвалить мое произно-

шение.

Школа дала мне, разумеется, не только язык, но и немецкую культуру. Мать однажды горестно вздохнула, убедившись, что я не знаю не только пушкинского «Медного всадника», но и множества длинейших русских стихов, которые она помнила наизусть с времен женской гимназии. Взамен я мог прочесть ей, например, не менее пространные сочинения Шиллера. Ныне, в XXI веке, ни в Германии, ни, думается, в России или Латвии детей не заставляют так много учить наизусть. С каждым новым поколением это умение убывает.

10-я немецкая начальная школа была заведением подчеркнуто лютеранским. Во время занятий по религии евреи, например, были свободны, но по желанию могли и присутствовать. Я присутствовал. Для католиков уроки Закона Божьего, общего для христиан, были обязательными, но они освобождались от уроков, предназначенных только для лютеран.

И второе: эта немецкая школа, хотя и многонациональная по составу, была очень немецкой. Мы, прочие, понимали, что находимся здесь на положении нацменьшинств, и считали это нормальным. Вся литература, которую мы изучали, была, так сказать, немецко-патриотична. Правда, это отнюдь не гарантировало автоматического патриотизма школьников. С одним из трех «нациков» нашей школы я переписываюсь по сей день, он живет в Австралии. Когда я напомнил ему наши школьные дни, он написал мне: «Я повернулся к

Европе спиной и трижды сплюнул через левое плечо». Он об этих делах теперь не желает ничего слышать. Хотя жена его – с юго-запада Германии, из Шварцвальда, свой немецкий язык они потеряли и общаются только по-английски. От национализма моего одноклассника не осталось и следа.

В нашем классе учились и трое латышей, Лапиньш и Граудиныйш или, быть может, Лапинг и Граудинг³⁰ – точно не скажу. Третьего звали Эдгар Лакстигала, что в переводе на русский означает Соловей; он был истинный латыш и мой друг. Его отец однажды спас писателя Яниса Яунсудрабиньша, который в недолгой советской республике 1919 года работал в продовольственном управлении какого-то района, после чего его хотели арестовать. В то время, когда я подружился с Эдгаром, его отец служил где-то далеко, вроде бы в Даугавпилсе, начальником полиции, и дома появлялся редко. Были в классе и евреи, притом из очень разных семей. Мой друг Миша Либман так же, как я, дома говорил по-русски. Его мать пыталась нас собирать у себя, читать вместе русскую литературу – «чтобы вы не сделали совсем уж немчурой». И мы читали Гоголя и Лермонтова, Пушкина; это было лишь общее знакомство, но оно побудило меня самостоятельно прочесть «Мертвые души» Гоголя, мне было тогда около двенадцати. Потом я прочел «Войну и мир» Толстого, позднее перечитывал роман шесть или семь раз, прочел

---

³⁰ Намек на то, что некоторые латыши сознательно «онемечивались», переделывая в том числе свои фамилии на немецкий лад.

и «Анну Каренину». В конце концов мне стали одинаково близки обе культуры. А третью мне дал латышский язык.

Однажды у нас в классе появился новичок – Пауль Томас Базилиус Роденко, отец которого был, кажется, петлюровцем³¹, белоэмигрантом, а мать полуангличанкой, полуголландкой. Пауль потом стал в Нидерландах эссеистом и поэтом. В школе он с помощью обыкновенного пера и чернил рисовал отличные портреты и так же, как я, интересовался историей.

Еще был один на четверть русский, на четверть датчанин, на четверть голландец, на четверть немец – в таком вот духе. Был эстонец, был поляк. Один выглядел, как 150-процентный еврей, но вовсе таковым не являлся; он погиб под Ростовом, будучи офицером вермахта³².

Из настоящих немцев в классе был представлен целый спектр – от аристократов до бедняков. И как раз трое из малообеспеченных семей считались *национал-социалистами*. Школьники, то есть мы, сами себя именовали одни *коммунистами* (среди них был и я), другие социал-демократами, трети национал-социалистами. И у меня как коммуниста наилучшие отношения сложились как раз с тремя нашими *нациками*. Дружба продолжалась и после окончания школы.

---

³¹ Петлюровец – украинский националист, сторонник Симона Петлюры, военного и государственного деятеля Украины в 1918–1920 гг.

³² Вермахт (нем. Wehrmacht) – наименование Вооруженных сил Германии в 1935–1946 гг.

Это было не случайно – просто детская среда отражала то, что происходило во взрослом мире. В Германии тоже ведь какое-то время коммунисты и национал-социалисты вместе участвовали в забастовках.

В тринадцать лет мне вырезали аппендицит. В частной клинике я, отделенный тонким пологом, лежал в одной палате с двумя женщинами. Одна из моих соседок оказалась яркой сионисткой³³самого радикального свойства; она не признавала Трансиорданию (теперешнюю Иорданию), утверждала, что это часть Палестины, а вся Палестина должна принадлежать евреям. Второй была девица из *умеренных*. Я тут же объединился с сионисткой против умеренной, поскольку умеренность считал позорной мягкотелостью. Так же вот и Сталин, опасавшийся Англии и Франции, считал, что лучше уж нацисты, чем вялая, слабая демократическая Германия.

---

³³ Сионизм – еврейский национализм, главной целью которого поначалу было создание независимого государства Израиль в Палестине. В Латвии в 20-30-х годах XX века существовали самые разные направления сионизма. Консерваторы принадлежали к партии Mizrahi, социалисты – к партии Ciere Cion. В свою очередь крайние радикалы объединились вокруг Партии социалистов-ревизионистов, основанной лидером радикального сионизма Владимиром Жаботинским. В Риге действовала также радикальная молодежная организация Betar; здесь готовили будущих бойцов за независимость Израйля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.